

Рескин Джон

**Сезам и лилии: Три лекции
Джона Рескина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42   **Джон Р.**
Сезам и лилии: Три лекции Джона Рескина / Рескин Джон – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 218 с.

ISBN 978-5-519-80620-6

ISBN 978-5-519-80620-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сезамъ и Лиліи *

ЛЕКЦІЯ I. СЕЗАМЪ.

О СОКРОВИЩНИЦАХЪ КОРОЛЕЙ.

„Каждый изъ васъ получить по десяти фунтовъ сезама и по пирогу изъ него“.

Лукіанъ „Рыболовъ“.

1. Первою своей обязанностью, милостивые государины и государи, считаю извиниться передъ вами за названіе, подъ которымъ была первоначально объявлена эта лекція; названіе это можетъ быть понято двоякимъ образомъ, и вы можете подумать въ концѣ концовъ, что я не совсѣмъ добросовѣстно заручился вашимъ вниманіемъ. Дѣйствительно, я

* Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы (1900, Январь и слѣд.).

не буду говорить вамъ ни о какихъ короляхъ, завѣдомо царствующихъ, и ни о какихъ сокровищницахъ, содержащихъ признанныя всѣми богатства, а о короляхъ совсѣмъ иного рода и сокровищахъ, признанныхъ не всѣми. Я даже думалъ попросить немножко вашего вниманія въ долгъ, какъ дѣлаю иногда съ пріятелемъ, котораго веду посмотрѣть особенно излюбленный уголокъ пейзажа; думалъ со всею хитростью, какая имѣется у меня въ запасѣ, скрыть отъ васъ именно то, что болѣе всего желалъ обнаружить, до тѣхъ поръ, пока мы не выйдемъ окольными тропинками на то именно мѣсто, откуда пейзажъ неожиданно откроется передъ нами во всей своей красѣ. Но мой добрый и прямодушный другъ, каноникъ Ансонъ уже раскрылъ частью эти хитрые замыслы, назвавъ лекцію въ своемъ объявленіи „Какъ и что читать“; я слыхалъ, кромѣ того, отъ людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, что ничто такъ не утомляетъ слушателя, какъ стараніе лектора скрыть отъ него свою конечную цѣль, — а потому теперь же сброшу прозрачную маску и скажу прямо, что буду говорить о книгахъ, о томъ, какъ мы ихъ читаемъ, какъ могли бы и должны читать. Вопросъ важный, скажете вы; да и обширный! Такой обширный, что я не буду

и пытаться охватить его цѣликомъ. Постараюсь только изложить вамъ нѣсколько простыхъ мыслей о чтеніи; мысли эти охватываютъ меня все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ я наблюдаю за отношеніемъ общества къ быстрому увеличенію образовательныхъ средствъ и соразмѣрному распространенію по поверхности литературнаго наводненія.

2. Мнѣ приходится имѣть дѣловыя сношенія со школами для разныхъ классовъ населенія, и получать множество писемъ отъ родителей, по поводу воспитанія ихъ дѣтей. Эти многочисленныя письма всегда поражаютъ меня преобладаніемъ вопроса о карьерѣ въ умахъ родителей, преимущественно матерей. „Образованіе пригодное для такого-то и такого-то положенія въ свѣтѣ“, вотъ о чемъ они постоянно толкуютъ и хлопчутъ. Насколько я могъ замѣтить, образованіе, хорошее само по себѣ, никогда не входитъ въ виды моихъ корреспондентовъ; мысль объ отвлеченномъ совершенствѣ воспитанія имѣ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно чужда. Цѣль ихъ—образованіе, которое дастъ сыну возможность носить хорошіе сюртуки, звонить съ апломбомъ въ двери съ роскошными звонками и въ концѣ концовъ устроить такой же роскошный звонокъ у собственной двери, — словомъ, образо-

ваніе, которое поможетъ ему „далеко пойти“. Имъ, кажется, и въ голову не приходитъ, что есть образованіе, которое само по себѣ — уже шагъ впередъ по пути жизни, тогда какъ всякое другое можетъ быть только шагъ впередъ по пути смерти; что если приняться за дѣло надлежащимъ образомъ, то это существенное образованіе легче добыть и легче дать, чѣмъ они, можетъ быть, воображаютъ; а въ противномъ случаѣ не добьешься его никакой цѣною и никакой протекціей.

3. Между идеями, наиболѣе распространенными и наиболѣе существенными въ нашей дѣловитѣйшей изъ всѣхъ странъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ, какъ мнѣ кажется, идея карьеры. По крайней мѣрѣ, ни одинъ вопросъ не обсуждается съ такой откровенностью и не считается столь подходящимъ стимуломъ юношеской энергіи. Главная моя задача въ настоящую минуту — опредѣлить практическое значеніе этого вопроса и его законныя границы.

Сдѣлать карьеру, выйти въ люди, выдвигнуться, — значить, собственно говоря, занять видное мѣсто въ обществѣ, получить положеніе, которое другіе признаютъ почетнымъ и почтеннымъ. Дѣло тутъ не въ простомъ наживаніи денегъ самомъ по себѣ, а въ такомъ обогащеніи, о которомъ было бы всѣмъ извѣстно;

не въ достиженіи какой-нибудь великой цѣли,—а въ томъ, чтобы всѣ видѣли, что вы ея достигли. Словомъ, дѣло тутъ въ удовлетвореніи нашей жажды рукоплесканій. Эта жажда, хоть она и „последняя слабость великихъ людей“, но въ то же время и первая слабость людей мелкихъ, а въ общемъ — сильнѣйшій импульсъ средняго человѣчества. Корень величайшихъ напряженій человѣчества всегда можно найти въ любви къ похваламъ, точно такъ же какъ корень величайшихъ его катастрофъ—въ любви къ наслажденіямъ.

4. Не буду ни защищать, ни порицать этого мотива. Мнѣ бы хотѣлось только убѣдить васъ, что онъ дѣйствительно лежитъ въ основѣ всей нашей дѣятельности, особенно дѣятельности современной. Удовлетвореніе тщеславія—вотъ что побуждаетъ насъ работать и услаждаетъ нашъ досугъ; оно такъ близко соприкасается съ самыми источниками жизни, что если кто задѣнетъ наше самолюбіе, мы называемъ, и справедливо называемъ, такую обиду „смертельной“, точно такъ же, какъ называли бы какой-нибудь ракъ или страшное увѣщье.

Хотя немногіе изъ насъ настолько смыслятъ въ медицинѣ, чтобы опредѣлить различныя вліянія этой страсти на здоровье и энергію, но большинство честныхъ людей, я думаю,

сознають ее и признають главнымъ мотивомъ своей дѣятельности. Матросу не потому одному хочется обыкновенно попасть въ капитаны, чтобы онъ сознавалъ въ себѣ способность управлять кораблемъ лучше всего остального экипажа. Ему хочется быть капитаномъ, чтобы его называли капитаномъ. Священникъ не потому одному хочетъ обыкновенно выйти въ епископы, чтобы онъ сознавалъ въ своей рукѣ твердость, которая поможетъ этой рукѣ провести паству сквозь всѣ затрудненія лучше всякой другой руки. Онъ хочетъ сдѣлаться епископомъ, главное, для того, чтобы его называли милордомъ. И король не потому стремится обыкновенно расширить предѣлы государства, или подданный овладѣть имъ,—чтобы тотъ или другой считалъ себя способнымъ лучше всѣхъ служить государству съ престола, а просто потому, что имъ хочется, чтобы возможно большее количество людей называли ихъ „Ваше Величество“.

5. Вотъ главный смыслъ успѣха въ жизни. То же самое, и въ еще большей степени, приложимо и къ второстепенному выраженію этого успѣха, къ тому, чтобы „попасть въ хорошее общество“. Мы хотимъ попасть въ хорошее общество не для того, чтобы быть въ немъ, а для того, чтобы насъ въ немъ видѣли;

а мѣра его достоинства въ нашихъ глазахъ есть мѣра его замѣтности.

Вы простите меня, если я остановлюсь на минуту, чтобы задать вамъ вопросъ, который вы, можетъ быть, сочтете дерзкимъ. Я никогда не могу продолжать рѣчи, если не знаю и не чувствую, со мною или противъ меня мои слушатели (вначалѣ это мнѣ бываетъ обыкновенно безразлично); но я непремѣнно долженъ знать, гдѣ они, и очень хотѣлъ бы въ эту минуту угадать, какъ вы думаете: не слишкомъ ли низкими мотивами я объяснилъ человѣческую дѣятельность? Я рѣшился нынче поставить ихъ настолько низко, чтобы никто уже не возражалъ противъ ихъ правдоподобія; въ статьяхъ по политической экономіи мнѣ случалось иногда выражать предположеніе, что среди основъ человѣческой дѣятельности можно рассчитывать отчасти и на нѣкоторую честность и на нѣкоторое благородство, на нѣкоторую долю того, что вообще называется „добродѣтелью“, и всѣ тотчасъ кричали мнѣ: „Ужъ это вы напрасно; это не въ природѣ человѣческой; алчность и зависть— вотъ единственные чувства, на которыя вы въ правѣ рассчитывать; ничто другое не вліяетъ ни на кого, или вліяетъ только въ видѣ исключенія, въ случаяхъ несущественныхъ“. Вотъ почему я

и начинаю сегодня съ такой низкой ступени на лѣстницѣ мотивовъ, но мнѣ нужно знать, считаете ли вы меня въ этомъ правымъ. Прошу поэтому тѣхъ, кто считаетъ, что любовь къ похваламъ—самый сильный изъ всѣхъ мотивовъ, по которымъ люди стремятся къ болѣе высокому положенію, а честное желаніе исполнить какую бы то ни было обязанность—мотивъ совершенно второстепенный, — поднять руку. (Поднимается съ дюжину рукъ; публика отчасти не увѣрена, серьезно ли говорить лекторъ, отчасти стѣсняется выражать свое мнѣніе). Я говорю вполнѣ серьезно, и дѣйствительно хочу знать, какъ вы думаете; могу, впрочемъ, удостовѣриться въ этомъ, поставивъ вопросъ обратно. Пусть поднимутъ руки тѣ, кто считаетъ чувство долга главнымъ мотивомъ, а любовь къ похваламъ мотивомъ второстепеннымъ.

(Поднялась, говорятъ, одна рука позади лектора).

Прекрасно; вижу, что вы со мной согласны, и что я началъ не слишкомъ низко отъ земли. Не стану далѣе приставать къ вамъ съ вопросами, но осмѣлюсь предрѣшить заранѣе, что вы допустите чувство долга въ качествѣ хотя бы второстепеннаго или третьестепеннаго мотива. Вы считаете, что желаніе сдѣ-

латъ что - нибудь полезное или пріобрѣсти какое - нибудь истинное благо существуетъ у большинства, какъ параллельный, хотя и второстепенный мотивъ въ стремленіи къ болѣе высокому положенію; допускаете, что люди умѣренно честные добиваются должностей и мѣсть отчасти изъ сознанія своей способности приносить пользу и предпочли бы общество людей разумныхъ и образованныхъ обществу дураковъ и невѣждъ, даже если бы никто и не видѣлъ ихъ въ этомъ обществѣ разумныхъ. Нечего повторять обычныхъ трюизмовъ насчетъ цѣнности дружбы и вліянія товарищества; вы и безъ этого, навѣрное, согласитесь, что чѣмъ искреннѣе мы желаемъ найти вѣрныхъ друзей и умныхъ товарищей, чѣмъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностью выбираемъ и тѣхъ и другихъ, тѣмъ больше у насъ шансовъ на счастіе и полезность.

6. Но, положимъ, у всѣхъ насъ есть и желаніе и умѣніе хорошо выбирать друзей, — какъ немногимъ это возможно или, по крайней мѣрѣ, какъ ограничена для большинства область выбора! Почти всѣ наши сношенія опредѣляются случайностью и необходимостью и заключены въ узкомъ кружкѣ. Мы не можемъ знакомиться съ тѣми, съ кѣмъ бы хотѣлось, а тѣхъ, съ кѣмъ знакомы, не можемъ

имѣть при себѣ именно тогда, когда они намъ всего нужнѣе. Низшимъ интеллигентнымъ слоямъ человѣчества высшіе открываются только на минуту, да и то они видятъ ихъ въ щелку. Намъ случается при большой удачѣ взглянуть мелькомъ на великаго поэта и услышать звукъ его голоса, или задать вопросъ ученому и получить добродушный отвѣтъ. Удастся иногда обезпокоить министра десяти-минутнымъ разговоромъ и получить отъ него отвѣты, которые хуже всякаго молчанія, потому что не заслуживаютъ довѣрія; разъ или два въ жизни мы удостоиваемся исключительнаго счастья бросить букетъ къ ногамъ принцессы и уловить благосклонный взглядъ королевы. И мы домогаемся этихъ драгоценныхъ минутъ; въ погонѣ за тѣмъ, что почти такъ же ничтожно, какъ онѣ, тратимъ жизнь страсти и силы. Но есть общество, доступное намъ во всякое время, общество людей, которые будутъ бесѣдовать съ нами сколько намъ угодно, каково бы ни было наше званіе и профессія, будутъ говорить съ нами самымъ отборнымъ языкомъ, какой имѣется въ ихъ распоряженіи, и благодарить за то, что мы ихъ слушаемъ. Это общество, многочисленное и аристократическое, ждетъ насъ по цѣлымъ днямъ; не даетъ, а проситъ аудіенціи; по цѣлымъ